

13.7.65

Поезд Москва-Воркута. Вагон Москва-Лабытнанги. Утром по горизонту справа — синий хребет полярного Урала со шрамами снежников — белый на синем.

Бранзбург. В Уренгое ожидается огромное месторождение. Структуры там такие же, как в других. Дорога нужна как воздух. В Уренгое садимся на поплавках. Может быть, можно и на колесах, но не садимся. Аэродром построен на общественных началах.

1-ю скважину разрабатывают здесь с 54 г. до 62 г. работы небольшие, все на юге, когда в 62 г. открыли газ — скачок.

59 г. — 6 тыс. м. бурения, 63 г. — 15, 64 — 25 тыс., 65 — 45, 66 — 80.

А базы под такие задания нет. Все месторождения открыли первыми скважинами. Опорное бурение — для изучения, а открыли месторождение. Газ — топливо современное, его легче добывать, скважины, автомат.

Тазовек — Мангазея — названия. Новая Мангазея, потом перенесли в новое место.

И назвали Газсане. На восстановление дорог нужно 100 млн. руб., лишь бы грузовое сообщение. Поезда 15 км в час. Нужно бы на полгода — год компл. Экспедицию по транспортному строительству: авиация, водные пути, углубить реки — сообщение, нужны все пути. Водные пути очень слабо развиты. В новом порту нет пристани, в Тарко-Сале тоже нет. В городе дороги на ответственности организаций, учреждение отвечает за участок дороги. По дороге на машинах со спец. колесами и бандажами — завозили на них оборудование. Моторы летели быстро. На Надыме — сейсмическая партия.

Вологда. Вокзал 42 год. Половина вокзала занята трупами — везли из Ленинграда и люди тут умирали.

49 г. в лагере Лабытнанги восстание. Во главе — моряк. Цель — на север и там захватить корабль. В тундре их расстреляли и разбомбили с самолетов. Они шли, вырезая на пути все население. По долине реки Сось на полярном Урале остатки трех лагерей заметны. Столбы с колючей проволокой, остатки бараков — крыши уже провалились. Издали лагерь виден как на ладони в тундре — никуда из него не уйдешь. Крыши из щепы лежат в яме фундамента.

В Салехарде начальник лагеря был Самодуров, фамилия очень подходила к нему. Ходил, мрачно уперев глаза в землю, ссутулившись. Когда ты дорастешь до такого уровня, когда, будешь на уголке писать тогда ты вырос, а пока ты пишешь внизу листка, в одну строку.

На Пуре, в поселке, который построили сами, жили спец. поселенцы из чеченцев и других. Неподалеку лагерный пункт. Вохры перепились и решили что в поселке власовцы. Пошли их бить. Побожий (фамилия) ночью слышит — выстрелы. Прибежали женщины, плачут. Взяли карабины, пистолеты, у летчиков — тоже пистолеты — на вохров. Те из автоматов бьют. Еле уняли их. Из поселения убитых не было, только раненые, избитые. Послали их в Салехард. Оттуда — из прокуратуры, пять вохров арестовали.

— Какие национальности живут в республике Коми?

— З/к. и вохры.

В гостинице «Север» администратор работала на строительстве. Уборщица тоже. Ее муж пришел — связист, высокий парень — тоже. Вспоминали, как жили, как самолет перевернулся на Пуре.

В геологическом тресте Салехарда, утром пришли к Бранзбургу. Постояли на крыльце — комарья, жуть. Я хотел списать в книжку полное название треста — не мог — зажали ноги, руки.

- Где работаешь?
- В экспедиции
- Что делаешь там?
- Куру

Салехард, ул. Ненецкая переходит в Ямальскую, а на ул. Горького — бывший поселок железнодорожных строителей мертвой дороги — там же остались ее вышки, которые стояли у зоны лагеря.

Салехард растянулся по берегу реки Полуй, которая впадает в Обь. Отовсюду видны полосы нежной зелени и голубизны — это заливные луга, острова, косы, озера. Среди них лошади и коровы — точками. На рейде большой теплоход, видимо, морской. Катера тащат ликуры. Много сейнеров и буксиров. Раз в сутки белый теплоход, который идет вверх. Город почти сплошь деревянный. Мостовые тоже из толстых досок, которые положены вдоль, а на центральных улицах — в елочку. Впечатление, что это все в доме полы постелены. Тротуары всюду из дерева. Виден город от окраины — вверх по реке, где поселок, построенный еще при прокладке мертвой дороги: множество серых мрачноватых домов с претензией на архитектуру и остатки зоны. Далее — новое строительство — 2-х этажные. Деревянные дома из 4-х угольных брусьев. Потом стадион, напротив него гостиница «Север», затем центр — речной вокзал на высоком берегу, а внизу пристань. Центр зеленый — ива, лиственница, пихта. Дорога далее, вернее, от центра к аэропорту, огибает залив и идет к рыбокомбинату. Потом водный аэропорт у берега и на реке стоят на якорях у причала гидросамолеты — машины на огромных поплавках. Издали, когда они летят, кажется, будто почти висят на месте — странно, что не падают. Видно, поплавки сильно тормозят. Гул моторов.

С маленьких пристаней, где вырезы для поплавков, их грузят. Тащат ящики, мешки, бьюки — в основном геологи, изыскатели. Некоторые бородаты, в штурмовках и энцефалитках, сапогах. Один бородач очень красиво тащил ящик, поставив, на голову. Небо в тучах, день серый. Много комаров. Мы намазались диметилем — шея, руки, лоб, уши.

Сегодня, 16.7. в городе нельзя без диметила нигде — множество комара. Вчера вышел из гостиницы, свернул в переулок, навстречу двое. Весьма экзотичны. Один похлопал меня по плечу: идем в ресторан, я угощаю. Пошли. 2-й с ним — парень из местного радио, поэт Калабин, черный, скромный паренек. 1-й пьян и необычайно развязен. Сразу стал звать меня Колькой, а Калабину все время плел: — Генка, читай стихи, я плакать хочу. Читай, подлец, сволочь, читай! Колька, Генка гениален. Я знаю Есенина, Блока и Калабина — больше у нас поэтов нет.

Назвался корреспондентом, а потом говорил, что он послан сюда как инженер, рыбак. Вечером угощал малосольным муксуном. Перепился вдрызг, мы его вели под руки из ресторана.

Около 10 вечера совсем светло. Солнце у горизонта. Синяя река. Лодки только что высмоленные, золотые. С островов везут траву — зеленую на черных лодках по синей воде.

Самодуров — начальник лагеря Салехарда, очень любил устраивать пьянки с девками. Напьется, выхватит пистолет и стреляет в потолок. Девки визжат. После его отъезда все потолки в дырах.

17.7. ужасна дорога по Салехарду. Разбита вдрызг. На заднем сиденье автобуса люди подлетают под потолок на колдобинах. Мимо старого кладбища, по которому пролегали уже дороги местные и тропы. Разбитые ограды, сорваны кресты. В одном из деревянных саркофагов торчит валенок. У дороги клуб геологов, длинное посеревшее здание с бездарнейшими, порыжевшими, обколупленными плакатами. Запустенье, клуб, точно гроб. В автобусе старушка заговорила с молодой женщиной.

— Привела бы маленького, хоть посмотреть. Все-таки я бабушка ему. Мне-то что, вы разошлись.

— Чужая вы мне, после того, как насплетничали на меня.

На улицах множество собак, особенно, в центре города. Бродят стаями. Огромные, жуткого вида псы носятся по городу, раскрыв пасть с острыми клыками. Сначала не по себе, когда по тротуару на тебя бежит такое чудище, но потом оказывается, что он — мимо.

— Пьян, как фортепьян.

Полный мужик вышел из гастронома — деревянной большой избы, и запел: нехороший город Салехард, нехороший.

Краеведческий музей в Салехарде:

Бородатая неясить, морская чернеть, хохлатая чернеть, синьга — утка, полярный жаворонок, рюм, ондатры, горностай, белые, голубые песцы.

Салехард раньше — Обдорский острог

18.7.

Сегодня ушел из гостиницы «Север», поселился на дебаркадере роскошно — в отдельном номере. Вынужден был уйти от Побожного, он оказался запойным пьяницей. В Москве при отъезде мы распили бутылку румынского вина. Он отнесся к вину равнодушно.

На станции Сейда, где наши вагоны отцепили, и мы ждали 16 часов поезда в Лабитнанги, мы выпили в столовке по кружке пива. Зашли в магазин за хлебом. Побожий робко предложил купить чекушку. Я согласился. Сели на лужке за вагонами. Ветер отгонял комаров. Солнце, и виден весь полярный Урал. Закусь отличная — свежие овощи. Хорошо выпилось. И тут он говорит: еще бы четак. Не больше. Сходил. Принес 0,5. выпили. Комар пригнал в вагон. Он послал проводника за четком. Потом я лег спать. Он, кажется, еще пил.

Я хорошо выспался, и хотя встал в 6 утра, голова была свежа — смотрел полярный Урал. Удивительные краски и прозрачность воздуха и рек. Остатки лагерей.

14.7. прибыли в Лабытнанги и вскоре — на Омике — в Салехард. Прекрасный день. Сине и зелено на Оби.

По приезде в гостинице. Нужно отобедать. Купили 0,5. Побожий: — последний раз пьем. Теперь будем тратить по 50 копеек в день, не более... выпили половину. Оставили. Я лег спать. Он ходил на футбол, потом ночью допил водку с какими-то военными. Днем он еще пил, но мне не сказал. Я познакомился с ребятами — журналистами, пригласил к себе. Выпили немного. И тут мне надоело питье и я с тех пор ни капли, а Побожий начал пить с утра до ночи. Напьется и спит. Встает утром — едет на аэродром, он спит там, на лавке, и ходит в буфет — поддать.

16-го его начало рвать, 17-го он совсем раскис, а сегодня потерял всякий человеческий облик. Совсем опустился. Пьет, спит и тут же в лучшем номере гостиницы, который нам любезно предоставила администратор-женщина, которая вместе с ним работала на дороге и очень обрадовалась его приезду, с благоговеньем говоря о том, что читали в журнале, в этом номере, но отправляет все нужды — спутал все на свете, потерял разум. Сегодня болтал, что мы уже летали в Тарко-Сале и прочее.

Вчера я расстроенный тем, что не можем улететь. Ходили с кинооператорами по начальству, которое обещало, но ничего не сделало. Нелетная погода в Тарко-Сале. Операторы из Москвы летят снимать пожар газового фонтана. Его хотят потушить взрывом. Горит уже полгода. Беспросветные тучи на севере. Я вдруг решил к вечеру — пойти по мертвой дороге с ночевкой на весь день.

18.7. — воскресенье

Побожий мертвецки спал. Я взял спальник, ружье и съестное и пошел. Минут через 30 вышел из города. Это на самой окраине города. Там старый поселок строителей и новые дома — только строятся из сосновых брусьев. Минуешь их — несколько старых строений, хибарок и прямо в тундре — белое здание депо, где теперь автопарк. Рельсы в траве и затянута землей, по ним гонят стадо коров. Старая ржавая стрелка. Здесь 5 путей в хорошем состоянии. Но вскоре начинаются размывы балласта — шпалы висят в воздухе или наполовину в балласте. Много гнилых. Мостики через многочисленные ручьи и речки — из шпал и брусьев. Они полуразрушены. Навстречу две девочки с ведрами грибов. В сапогах, шароварах, но лица открыты. Потом мужчина в накомарнике и женщина, мужчина отгоняет веткой комаров. Я был чуть намазан диметилом, и комары сначала не приставали, но этот дядя тащил за собой такую кучу, что оставили и мне целый рой. Сначала я держался, потом надоело — тычутся, лезут всюду комары. Надел накомарник. Застучали, заныли, завыли. Дорога изгибается по берегу ползя. Берег болотистый, плоский с кустами. Слева — заросшая березовым кустарником чуть поднятая равнина, немного всхолмленная, самое раздолье для комара! Каково было тем, кто строил полотно! На откосе очень невысоком, куда я взшел, чтоб снять — олений рог в траве. На пути попало две-три довольно больших речки. Высокая насыпь. Крепления и основа моста — шпалы, сложенные в кисти. Рельсы на шпалах, которые кое-где висят в воздухе.

У костылей шпалы подгнили, и ступаешь с опаской — не обвалились бы. Говорят, здесь, на этой дороге, гибло немало людей — ехали и срывались. Переворачивались машины, поставленные на особые колеса и пионерки-дрезины. Вообще рельсы виляют, изгибаются в разные стороны. Искривлены и разбиты пути очень здорово. Вдали — связистская станция, с мачтами и 3 домика. Прошел ее, оставил ее далеко позади. Очень тяжелый спальник. Оставил мешок в кустах, собрал ружье и пошел дальше с ружьем. Безлюдье. Тундра то болотистая, то повыше, сухая. Маленькие березы и карликовые кустики по земле, мох и просто белая земля, точно известкой посыпана. На полотне в основном балласт — песок. Между шпал растут в обилии хвощи, кое-где по обочине желтые цветы с полынным запахом, у рельс очень редко пучки ярко-синих колокольчиков. Вдалеке что-то замутнелось — люди то ли стоят, то ли идут. Вскоре навстречу две пионерки, на них бочек 7 с грибами — промчали мимо. Удивление моим необычным для этих мест накомарником — личинкой. За мной ползет плотное облако комаров. Они садятся на сетку возле носа, рта

плотно, крыло к крылу, не дают смотреть вниз. Сгоняю, но они тотчас снова. Комары — это огромное страшное животное, у которого тысячи жал. Порознь они — пустяк, а вместе — большое животное. Пошел, подыскивая место для ночлега посуше. Одно мне понравилось, справа — там большие открытые плешины, поросшие карельской березой и ягодником. Отметил — и дальше. Так по тундре по дороге шел два часа. Я не надел сапог, был в сандалиях, поэтому углубляться в болота не мог. Носки смазал диметилом и комары не ели ноги. Дальше мест подходящих не было. Полотно везде в самом плачевном состоянии. Только что рельсы не разорваны. Шпалы висят в воздухе. На одну из них я наступил — костыли легко вышли из дерева. Взял их себе на память. Вернулся. Взял рюкзак, перешел через линию в тундру и решил расположиться под березкой, откуда видна река, болотистая пойма и солнце в тяжелых облаках. От комаров стоял гул. Сильный гул. Не писк и не жужжанье, а гул. Дай им незащищенный палец — откусят. Даже птичьи голоса слышались сквозь этот гул неясно, а других звуков, более дальних, совсем не слышно. Я отошел в сторону. Масса комаров со мной, но у теплого рюкзака осталась целая стая. Я стал веткой отбиваться и бегать кругом, чтоб поменьше нести к месту ночевки. Потом оттащил рюкзак в сторону и там достал мешок. Отнес на место, но комаров не уменьшилось. Положил спальник, чтоб было видно кусок леса и солнце в тучах над ним. Забрался в мешок с накомарником на голове. Был очень теплый безветренный вечер. В накомарнике душно и самому в меховом мешке жарко. Гул комаров нарастал. Их собралось мириады. Такое было раз на Енисее со мной, когда я спал на рубке теплохода. Малейшая щель между накомарником и мешком — они лезут сразу, т. е. их всюду — тысячи. Ухо прислонилось к полотну накомарника, и сразу же несколько укулов. Именно укулов, как иглой с ядом на коже. Здесь они в мешок не лезли, он меховой и мех их задерживал, но через полотно жалили... Только устроился, чтоб уши или щека не доставали полотна — они колют с другого бока. Стало нестерпимо жарко. В мешке я достал диметил, помазал руки и вылез из мешка на грязь. На руки не садились, лишь толкались в них и отлетали. Но вскоре нашли не смазанные места у самых рукавов. Да минут через 10, когда кое-где диметил улетучился, стали жалить в ладонь у большого пальца. Такой был бы великолепный вечер, если б не комары. Мельтешат у сетки, как облако. И мерещилось мне все время, когда шел по дороге, что это души погибших здесь людей. И словно, отзвук дудочки комарьей. Как им приходилось, без всяких диметиллов и сеток, наверное. И гостиница «Север», где умывальники с пупкой, по-деревенски, где воняет уборной и где в облеванном номере спит Побожий, показалась мне отсюда раем цивилизации. И запой моего спутника стал понятен. Пройди-ка все это пешком, проживи несколько лет в этих болотах, посмотри на заключенных, изнуренных этим краем и самодуровыми, и запьешь. Пролежал я часа два и понял, что не усну. Даже не от комаров — они меня не кусали, а от жары. В меховом мешке очень жарко в такой теплый вечер. Собрался и в 11 ночи вышел назад. Было совсем светло, но солнца нет. Небо затянуло облаками. Ровный серый свет над тундрой. Ни звука, ни души. Очень хотелось пить. Возле одного из мостиков, у ручья с прозрачной водой, цвета чая, бросил рюкзак на шпалы, торчавшие на полметра, и спустился с кружкой к воде. Ручей в камнях. Вода вкусная, холодная. Отодвинул накомарник, вернее под него подвинул кружку и напился вдоволь. Прошел весь путь почти. На поле, что уже у города, вспорхнула матерка — огромная утка и полетела к реке. Эти поля огорожены колючей проволокой, которая идет у самого полотна. Снизу, через шпалы на фоне неба проволока выглядит весьма символично. Тащил за собой облако до самого города. У первых домов парни возились с мотоциклом (был час ночи) и крикнули мне — комара в город не носи! Отогнать их нельзя. Так и в улицу вошел в накомарнике. Навстречу автобусы. Снял — неудобно. Впились. Диметил. Ребятишки резвятся на улице у дома Самодурова. Светло как ранним вечером. Кричат — дядя, охотился?

Охота еще не разрешена, поэтому все обращают внимание на ружье. На улицах довольно часто прохожие. Воскресенье. Достучался в гостиницу — открыла дежурная. Дома. Наш прокисший и провонявший номер — обетованная земля. Побожий открыл. — Я так и знал, что вернешься — комары заедят. Ну и учудил ты! Ничего. Теперь об этом целый роман

напишешь. И завалился спать. Он спит с 15.7. просыпается, чтоб выпить водки, и снова спит. Хорошо, что не буйный. Голос его и речь очень похожа на дядю Петю. Я часто с удивлением думаю, когда его слушаю, но не вижу — откуда тут мой дядюшка.

На улицах Салехарда, у речного вокзала. Парень в голубой рубашке — видно капитан, ругает трех парней с жуткими рожами, пьяных разбойников. Они мнутя, бормочут

что-то, де сошли на берег пообедать. Он — мне тоже хочется пообедать и выпить, но не иду же. Что ж я один за вас буду работать.

Один с ржавой щетиной на щеках — там не заварено, сварщика-то нет.

— Был сварщик. Все сделано.

— Да мы ведь пообедать

— Пьянствуете?

— Мы обедали...

Накрутил он их здорово. И вот через минуту повстречали знакомых. Парень со щетиной схватил с того шляпу и надел на капитана. Капитан побежал. Знакомый за ним. Шляпа — из рук в руки. Все хохочут, как ребяташки. Шляпа в грязь. Наконец-то ее схватил владелец. Осмотрел и стал вытирать о мокрую траву, а команда судна дружно пошла работать.

У рынка две зырянки — коми (сами себя они до сих пор зовут зыряне) продают муксуна слабосоленого. Они в национальном — нечто вроде сарафанов из синего сукна с красной отделкой, платки с белыми кистями, плотно обвязывают голову от комаров. Подпоясаны цветными поясками. Рядом старик в малице — идеальный костюм тундры — ни одной застежки. Надевается весь через низ и голова входит в капюшон, только лицо видно. Сшит очень аккуратно, точно подогнан, настоящее произведение портняжного искусства.

Из толстого сукна, вроде шинельного, очень темно-серый. Рукава реглан.